

Семантика и полисемия причинных маркеров: данные горномарийского языка

Т. И. Давидюк

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); rachekit@yandex.ru

Кс. А. Студеникина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); xeanst@gmail.com

Аннотация. В горномарийском языке ряд именных показателей — послелоги *gišän*, *veldäk*, *verc(än)*, *gäc(än)* и *don(o)*, а также латив (обстоятельственный падеж) *-eš* — участвуют в выражении причинного значения. В статье рассматривается семантика данных показателей с опорой на следующие параметры: выражение прямой / непрямой причины, внешней / внутренней причины, контролируемость / неконтролируемость предиката, ограничения на сочетаемость. Кроме того, уделяется внимание полисемии и происхождению рассматриваемых маркеров.

Ключевые слова: причинные показатели, теория грамматикализации, горномарийский язык.

Благодарности: Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627а «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

Semantics and polysemy of causal markers: Hill Mari evidence

T. I. Davidyuk

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); rachekit@yandex.ru

Ks. A. Studenikina

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); xeanst@gmail.com

Abstract. There are several markers in Hill Mari that have causal meaning — the postpositions *gišän*, *veldäk*, *verc(än)*, *gäc(än)*, and *don(o)*, as well as the lative *-eš*. The paper discusses the semantics of these markers based on the following parameters: direct / indirect cause, external / internal cause, controllability / uncontrollability of the action expressed by the predicate, and compatibility restrictions. Another aim of the study is the polysemy and the origin of these markers that may be a useful contribution to the typology of causal meanings and the grammaticalization theory in general. The data described in this paper was collected during the fieldwork in the village of Kuznetsovo and nearby villages, Mari El Republic, Russia in 2018–2019. The main method used for data collection was elicitation.

Gišän is the basic postposition expressing cause. Some prohibitions on its use are only observed among native speakers in direct causation contexts. An indirect cause can also be expressed by the postposition *verc(än)*. The postpositions *don(o)*, *gäc*, and the lative *-eš* mark direct cause. Direct-cause contexts are preferable for the postposition *veldäk*. The postposition *gäc* indicates negative consequences and only occurs in uncontrollable action contexts. Uncontrolled predicates are also relevant for the postposition *don(o)*. The lative can occur with both uncontrolled and controlled predicates, the latter case only relevant for constructions with the *-maš* nominalization.

The peculiar features of the system of causal markers in Hill Mari in terms of the theory of grammaticalization are as follows: it is unusual for the causal postposition *gišän* to have a theme meaning; and, while it is uncommon for Finno-Ugric languages to use a directional case to indicate a cause, the Hill Mari widely uses lative (diachronically, apparently, a directional case) in this capacity.

Keywords: causal markers, grammaticalization theory, Hill Mari.

1. Введение

В статье лингвистического атласа WALS [Cristofaro 2013] причинная конструкция определяется как такая конструкция, которая выражает отношения каузации между двумя ситуациями. В оформлении конструкций с причинной семантикой языка мира следуют двум стратегиям: полипредикативной и монопредикативной. Примером полипредикативной стратегии маркирования причинных отношений является использование различных причинных союзов, например, союзов *потому что* и *так как* в русском языке, см. (1)–(2). Монопредикативная стратегия предусматривает маркирование на имени. В именных конструкциях возможно падежное маркирование причинного отношения (3) или маркирование при помощи адлога (предлога или послелога в зависимости от устройства языка). В (4)–(5) представлены примеры причинных предлогов в русском языке.

- (1) *Социализм для России смертелен, **потому что** это перераспределение огромных средств через бюрократию.* [НКРЯ]
- (2) *У этих растений нас интересуют только стебли, **так как** листья не годятся для плетения.* [НКРЯ]
- (3) ЧЕШСКИЙ
vukřikla úlek-em.
 вскрикнула испуг-INS
 ‘Она вскрикнула от испуга’. [Drdová 2013: 13]
- (4) *Как показывают расчеты, уровень озера каждый год **из-за испарения воды** должен был понижаться на 7 метров.* [НКРЯ]
- (5) ***Из любви и сочувствия к актрисе** он придумал особый рецепт блинов, которые надоест просто не могли.* [НКРЯ]

Стоит отметить, однако, что падежи и адлоги с причинным значением могут оформлять и номинализации, которые по своим свойствам близки к полноценным клаузам. Мы их также относим к классу

именных причинных конструкций, хотя подобные конструкции не совсем верно считать монопредикативными.

Существует немало типологических работ о полипредикативных причинных конструкциях, см., например, [Diessel, Hetterle 2011; Martowicz 2011; Cristofaro 2013]. Работы, посвященные именным причинным конструкциям, в большинстве своем содержат семантическое описание системы причинных именных конструкций в рамках одного языка, см. данные русского языка [Всеволодова, Яценко 1988; Апресян (ред.) 2004: 430–437] и др. Однако в настоящий момент ведется работа по составлению типологической анкеты для описания именных причинных показателей [Сай (в печати)]. Данные марийских языков в литературе, посвященной причинным конструкциям, подробно не обсуждались, ср. описание данных лугового марийского языка в [Иванова 2011: 169–206], из которого, однако, не вполне ясны семантические различия между приводимыми автором конструкциями.

В рамках горномарийского языка нами был выделен следующий набор показателей, использующихся для выражения причины в именных конструкциях: послелого *gišän*, *veldäk*, *don(o)*, *verc(än)*, *gäc(än)*, а также обстоятельственный падеж (латин) *-eš*.

Описание системы именных причинных конструкций горномарийского языка велось нами прежде всего с опорой на работу [Иорданская, Мельчук 2007: 502–617], посвященную семантическим противопоставлениям между причинными предложениями в русском и французском языках. Авторы рассматривали следующие основные семантические противопоставления:

- прямая / непрямая причина;
- первоначальная / непервоначальная причина;
- имеет / не имеет место единство времени причины и следствия;
- внешняя / внутренняя причина;
- контактная / бесконтактная причина.

Тем не менее не все перечисленные параметры были применены к данным горномарийского языка. Во-первых, противопоставление первоначальной и непервоначальной причины, проиллюстрированное в [Иорданская, Мельчук 2007: 511] примерами (6)–(7) (в примере

(6) представлена первоначальная причина, а в (7) — непервоначальная), как нам кажется, слабо формализуется, тем более при изучении материала языка, не являющегося родным для исследователя. Таким образом, мы приняли решение отказаться от рассмотрения данного противопоставления в системе причинных отношений горномарийского языка.

(6) *Все беды в мире — от потери духовных ценностей.*

(7) *Все беды в мире — из-за потери духовных ценностей.*

Во-вторых, параметр единства времени причины и следствия (по данному параметру противопоставляются примеры (8)–(9)) также не будет нами рассматриваться, т. к. не вполне понятно, какова длина временного промежутка, релевантного для данного противопоставления.

(8) *От Машинных замечаний Иван пришел в ярость.*

(9) *Из-за Машинных замечаний Иван постепенно изменил свое отношение к ней.*

В-третьих, параметр контактности каузации также представляет собой дискуссионный вопрос. В [Иорданская, Мельчук 2007: 513] противопоставление контактной и бесконтактной причины иллюстрируется примерами (10)–(11). В (10), как утверждается в цитируемой работе, имеется контакт между Петром и остановкой его сердца, тогда как в (11) контакта между самолетом и остановкой его двигателя нет. Данный параметр в силу его спорности также не будет нами рассматриваться.

(10) *Петр скончался от остановки сердца.*

(11) *Самолет разбился из-за остановки двигателя.*

Таким образом, горномарийские причинные конструкции будут рассмотрены с точки зрения того, выражают ли они прямую / непрямую причину и внутреннюю / внешнюю причину. Параметр прямой / непрямой каузации определяется тем, насколько тесная

связь прослеживается между событием-причиной и событием-следствием. При прямой каузации, в отличие от не прямой (или косвенной), между причиной и следствием нет промежуточных причинных связей. Данное противопоставление иллюстрируется в [Иорданская, Мельчук 2007: 511] примерами (12)–(13). В (13), в отличие от (12), представлено выражение не прямой причины — с Иваном что-то случилось в связи с чумой, которой он, однако, мог сам и не болеть.

(12) *Иван умер от чумы.*

(13) *Иван умер из-за чумы.*

Внутренняя причина связана со свойствами или состоянием субъекта результирующей ситуации [Апресян (ред.) 2004: 431]; она противопоставлена внешней причине. Пример выражения внутренней причины представлен в (14), а внешней — в (15).

(14) *Петя побледнел от страха.*

(15) *С первого щелка / Подпрыгнул поп до потолка.*

Помимо этого, важными для нас параметрами являются контролируемость / неконтролируемость предиката и ограничения на сочетаемость. Для одного из рассматриваемых нами послелогов также оказалось важным то, оказывается ли следствие положительным или отрицательным результатом (ср. русское *благодаря*, которое вводит указание на причину достижения какого-либо положительного результата [Апресян (ред.) 2004: 433]).

Маркеры причинных отношений представляют интерес также с точки зрения того, каково их происхождение и какие модели полисемии они развивают. Мы обсудим этот круг вопросов применительно к материалу горномарийского языка.

Данные для настоящей работы были собраны нами в ходе экспедиций ОТиПЛ МГУ в 2018–2019 гг. в Горномарийском р-не Республики Марий Эл в с. Кузнецово и окрестных деревнях¹. Сбор

---

¹ Подробнее о лингвистической экспедиции в Горномарийский р-н см. на сайте <http://hillmari-exp.tilda.ws>.

материала опирался преимущественно на метод элицитации. Количество опрошенных информантов составляет более 20 человек.

В *Разделе 2* настоящей статьи мы последовательно рассмотрим горномарийские показатели, использующиеся для выражения причины. В *Разделе 3* мы подведем итоги исследования.

2. Маркеры причинного отношения в горномарийском языке

2.1. Послелог *gišän*

Послелог *gišän* является базовым способом маркирования причины в именных конструкциях горномарийского языка. Косвенным подтверждением этого может служить тот факт, что в корпусе горномарийских текстов² послелог *gišän* чаще всего, по сравнению с другими исследуемыми послелогом, употребляется в причинном значении: мы обнаружили 17 вхождений данного послелога в контекстах выражения причины (всего данный послелог встречается в корпусе 70 раз). Кроме того, послелог *gišän* встречается при любом типе казуации. Нам известны лишь единичные случаи, когда его употребление отвергалось бы носителями, см. их обсуждение далее.

Послелог *gišän* совместим с выражением как внешней (16), так и внутренней причины (17).

- (16) *män' pi optä-mä gišän cätär-äl-Ø*
 я собака лаять-NMLZ о дрожать-АГТ-CVВ
kolt-en-äm.
 посылать-РЕТ-1SG
 'Я вздрогнул из-за лая собаки'.

² Данный корпус доступен для скачивания на странице <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>. Объем текущей версии корпуса составляет более 63 тыс. словоупотреблений.

- (17) *t'et'a lüd-mä gišän cätär-ül-Ø kolt-en.*
 ребенок бояться-NMLZ о дрожать-АТТ-CVВ посылать-PRET
 ‘Ребенок вздрогнул от страха’.

Важным оказывается то, что конструкции с *gišän* могут маркировать как прямую, так и непрямую причину, см. (18)–(19), где в (18) холод является прямой причиной плача ребенка, тогда как в (19) присутствует лишь косвенное указание на причину изменения состояния субъекта (неизвестно, какие именно действия Ивана вызвали злость). Тип предиката (контролируемый или неконтролируемый) также не влияет на приемлемость конструкций с *gišän*, ср. примеры (19)–(20).

- (18) *t'et'a üštä gišän mägär-ä.*
 ребенок холод о плакать-NPST.3SG
 ‘Ребенок плачет от холода’.

- (19) *män' ivan gišän šädešk-em.*
 я Иван о сердиться-NPST.1SG
 ‘Я злюсь из-за Ивана’.

- (20) *män' ivan gišän tä-škä kädal-am.*
 я Иван о тот-ILL ехать-NPST.1SG
 ‘Я еду туда из-за Ивана’.

Единичные запреты на употребление послелога *gišän* в причинных конструкциях в некоторых идиолектах связаны с теми же случаями, которые обсуждаются в [Апресян (ред.) 2004: 431] для русского причинного предлога *из-за*, — это контексты с очень тривиальной причинно-следственной связью, как (21)–(22). В подобных контекстах употребление послелога *gišän* уместно не во всех идиолектах (23).

- (21) *мокрый *из-за воды*

- (22) *пьяный *из-за вина*

- (23) *män' äräkä-eš / ?äräkä gišän jükšä li-n-äm.*
 я вино-LAT вино о пьяный становиться-PRET-1SG
 ‘Я опьянел от вина’.

О тяготении обсуждаемого послелого к обозначению непрямой причины может говорить также комментарий, приводимый некоторыми информантами к примеру (24): если в данном предложении использовать конструкцию *jur gišan* ‘из-за дождя’, то она будет скорее указывать на непрямую причину (промокнуть из-за луж, появившихся после дождя, например, пробежавшись по ним).

- (24) *män' jur-eš / 'jur gišan nör-en-äm.*
 я дождь-LAT дождь о мокнуть-PRET-1SG
 ‘Я намок от дождя’.

Интересно второе значение, выражаемое послелогом *gišan*, — это значение темы при глаголах речи и мысли:

- (25) *mä škol gišan šajâšt-âna.*
 мы школа о говорить-NPST.1PL
 ‘Мы разговариваем о школе’.
- (26) *vara män' jasâ gišan mond-en-äm.*
 потом я боль о забывать-PRET-1SG
 ‘Потом я забыла про боль’.

Подобная полисемия не обсуждается в типологических работах (см. [Traugott, König 1991; Luraghi 2015]). В работе [Татевосов и др. (ред.) 2017] по мишарскому диалекту татарского языка говорится, что послелог *hakında*, помимо значения темы, может обозначать также и причину, однако подтверждающих это примеров не приводится; в [Закиев 1993] для данного послелого указано только значение темы. Английский предлог *about*, обозначающий тему, также, согласно [Dirven 1993], имеет причинное значение в контекстах, аналогичных представленному в примере (27). Однако появление такого значения у английского предлога объясняется автором через метафору из пространственного значения, пример которого приведен в (28).

- (27) *I am crazy about you.*
 ‘Я без ума от тебя’.
- (28) *to walk about the house*
 ‘ходить по дому’

В отличие от английского предлога *about*, горномарийский послелог *gišän* не имеет пространственных значений, поэтому объяснение, предложенное в [Dirven 1993], нерелевантно в его случае. Мы предполагаем, что значение темы является вторичным по отношению к причинному значению и что такой семантический переход обусловлен тем, что ситуация или объект, о котором идет разговор, осмысляются как причины речевого акта.

Стоит отметить, что в луговом марийском языке, в отличие от горномарийского, существует специальный послелог, маркирующий только значение темы, — послелог *нерген* [СМЯ]. Он не участвует в выражении причинных отношений.

Согласно [Гордеев 1983: 233], послелог *gišän* представляет собой форму старого латива³ от утраченного ныне существительного *гиш ‘сорт, манера, способ’. В качестве когната приводится эрзянская лексема *кис(э)* ‘из-за, для, ради’. Развитие причинного значения у слова со значением ‘способ’ представляется логичным: таким образом маркируется ситуация-причина, которая осмыляется как способ получения другой ситуации. Использование директивной формы данного существительного можно объяснить тем, что современный показатель латива *-eš* участвует в маркировании причинных отношений (см. *Раздел 2.6*) и, вероятно, непродуктивный показатель латива также мог бы выражать причинное значение.

2.2. Послелог *veldäk*

Послелог *veldäk* известен далеко не всем носителям языка, однако большей половине. В опросе о его употреблении участвовали только те информанты, которые подтвердили, что они знают и используют эту лексему в повседневном общении.

Имеющиеся у нас данные показывают, что конструкции с *veldäk* тяготеют к кодированию прямой причины. Так, в (29)–(32) данный

---

³ Под «старыми» мы подразумеваем непродуктивные пространственные падежные показатели, которые можно выделить в составе некоторых послелогов.

послелог в большинстве идиолектов не сочетается с предметным именем (либо местоимением), однако сочетается с номинализацией, которая указывает на ситуацию, непосредственно послужившую причиной главной ситуации. Дополнительно были проверены факторы морфосинтаксического класса (ср. местоимение в (29)) и одушевленности зависимого при послелого *veldäk*, а также фактор одушевленности субъекта главной ситуации (ср. неодушевленный субъект в (32)), однако они оказались в данном случае нерелевантными.

(29) а. ^{??}*män'* *tän'* *veldäk* / *veldäk-et* *šädešk-em.*
я ты из-за из-за-POSS.2SG сердиться-NPST.1SG
'Я сержусь из-за тебя'.

б. *män'* *tän'* *äl-m-et* *veldäk* *šädešk-em.*
я ты быть-NMLZ-POSS.2SG из-за сердиться-NPST.1SG
'Я сержусь из-за твоего присутствия'.

(30) а. ^{??}*män'* *vas'a* *veldäk* *šädešk-em.*
я Вася из-за сердиться-NPST.1SG
'Я сержусь из-за Васи'.

б. *män'* *vas'a* *äl-mä* *veldäk* *šädešk-em.*
я Вася быть-NMLZ из-за сердиться-NPST.1SG
'Я сержусь из-за Васиного присутствия'.

(31) а. ^{??}*män'* *äräkä* *veldäk* *jükšä* *li-n-äm.*
я вино из-за пьяный становится-PRET-1SG
'Я опьянел от вина'.

б. *män'* *äräkä* *jü-mä* *veldäk* *jükšä*
я вино пить-NMLZ из-за пьяный
li-n-äm.
становиться-PRET-1SG
'Я опьянел от распития вина'.

(32) а. ^{??}*stöl* *savêc* *äräkä* *veldäk* *nör-en.*
стол платок вино из-за мокнуть-PRET
'Скатерть намочила из-за вина'.

б. *stöl savâc äräkä vil-mä veldäk nör-en.*
 я вино вино сыпаться-NMLZ из-за мокнуть-PRET

‘Скатерть промокла из-за того, что вино пролилось’.

С наименованиями эмоций (33) и природных явлений (34) послелог *veldäk* может сочетаться без номинализации. Вероятно, это объясняется тем, что эмоция представляет собой внутреннюю причину, которая, как правило, носит непосредственный характер, а наименования природных явлений типа *jur* ‘дождь’, как и номинализации, отсылают к некоторой ситуации. Из примеров (33)–(34) также видно, что противопоставление внешней и внутренней причины для послелога *veldäk*, по-видимому, несущественно.

(33) *män' šädä veldäk jakšar-g-en ke-n-äm.*
 я гнев из-за красный-DETR-CVB идти-PRET-1SG

‘Я покраснел от гнева’.

(34) *jur veldäk män' nör-en-äm.*
 дождь из-за я мокнуть-PRET-1SG

‘Я промок из-за дождя’.

Параметр контролируемости предиката не влияет на возможность употребления послелога *veldäk*, см. контролируемый предикат в (35) и неконтролируемый в (36):

(35) *šokšâ veldäk nüštäl-mä paštek män' jäle*
 тепло из-за купаться-NMLZ после я быстро

košk-en-äm.

сохнуть-PRET-1SG

‘Из-за жары я быстро высох после купания’.

(36) *män' päšä-škä šokšâ veldäk ke-tel-am.*
 я работа-ILL тепло из-за идти-NEG.PRET-1SG

‘Из-за жары я не пошел на работу’.

У лексемы *veldäk* имеется также значение во временной сфере — это значение ‘пока’ (37). Весьма вероятно, что ограничения на сочетаемость, демонстрируемые обсуждаемым послелогом

и проиллюстрированные выше, могли бы быть связаны с временным значением ‘пока’, т. к. оно семантически совместимо с ситуациями, протяженными по времени (Васино присутствие, распитие или пролитие вина, гнев, жара, дождь и т. д.), и не совместимо с обычными именами (ты, Вася, вино и т. д.).

- (37) *tâdâ kâdal-ân măn’ amalâ-m-em god-âm / veldäk.*
 он ехать-ПРЕТ я спать-NMLZ-POSS.1SG год-ACC из-за
 ‘Он уехал, пока я спал’.

Возможно, данный послелог по происхождению мог являться союзом (см. [Майтинская 1982: 76, 98–99] о развитии послелогов из некоторых союзов в финно-угорских языках), поэтому на данном этапе своего развития он обладает нехарактерной для горномарийских послелогов особенностью — неспособностью присоединять посессивные показатели. Поскольку сочетание послелога *veldäk* с личными местоимениями, вызывающими посессивное согласование, затруднено, данное утверждение можно проиллюстрировать конструкцией с «переездом посессива», в которой посессивный показатель в послеложной группе возможно переместить с зависимого имени на послелог (см. об аналогичной конструкции в бесермянском удмуртском [Arkhangelskiy, Usacheva 2015]). Для послелога *veldäk* такая конструкция оказывается невозможной:

- (38) *măn’ tăn’ âl-m-et veldäk /*
 я ты быть-NMLZ-POSS.2SG из-за
 **tăn’ âl-mâ veldäk-et šădešk-em.*
 ты быть-NMLZ из-за-POSS.2SG сердиться-NPST.1SG
 ‘Я сержусь из-за твоего присутствия’.

Согласно этимологическому словарю Ф. И. Гордеева, данный послелог произошел от существительного *вел* ‘сторона, край’, а «-дык является сращением локативных падежей -де и -к» [Гордеев 1983: 84], при этом происхождение последних остается невыясненным. В [Вершинин 2017: 72] этот послелог также трактуется как форма от существительного *вел*, однако предположений о дальнейших наращениях не делается. Можно, тем самым, предположить,

что у формы существительного ‘сторона’ вначале появилось временное значение ‘пока’, а затем уже причинное значение. Переход из подобного временного значения в причинное фиксируется в [Heine, Kuteva 2004: 291] для некоторых союзов, например, для немецкого причинного союза *weil* и латинского союза *dum*.

2.3. Послелог *verc(ән)*

Послелог *verc* (который встречается также в полной форме *vercән*) имеет прежде всего причинно-целевое значение:

- (39) *saltak sändäläk verc kredäl-ән.*
 солдат родина за драться-PRET
 ‘Солдат сражался за родину’.

Этот факт обуславливает, возможно, то, что послелог *verc* обозначает внешнюю причину, см. (40)–(42). Контролируемость предиката в этом случае не влияет на употребление *verc*.

- (40) *tән’ verc-et mән’ә škol-әšš opozdaj-en-әм.*
 ты за-POSS.2SG я школа-ILL опоздать-PRET-1SG
 ‘Из-за тебя я опоздал в школу’.

- (41) *tән’ verc-et mән’ә škol-әšškә ke-tel-am.*
 ты за-POSS.2SG я школа-ILL идти-NEG.PRET-1SG
 ‘Из-за тебя я не пошел в школу’.

- (42) *tән’ verc-et mән’ eksamen-әм zdajә-del-am.*
 ты за-POSS.2SG я экзамен-ACC сдать-NEG.PRET-1SG
 ‘Из-за тебя я не сдал экзамен’.

Послеложная группа с *verc* в причинном значении допустима как при неблагоприятном следствии для субъекта, см. (40)–(42), так и при благоприятном следствии (43).

- (43) *tau, tән’ verc-et eksamen-әм vәz-әt-eš*
 спасибо ты за-POSS.2SG экзамен-ACC пять-FULL-LAT

zdajâ-del-am.

сдать-NEG.PRET-1SG

‘Спасибо, благодаря тебе я сдал экзамен на пятерку’.

Сами носители языка при опросе об употреблении *verc* указывают, кроме того, на обозначение этим послелогом внешней причины-помехи при глаголах восприятия и внешней причины при глаголах физиологических ощущений:

(44) *kogo jur verc kornâ-štâ n'i-ma=t măn'*

большой дождь за дорога-IN NEG-что=ADD я

a-m uŝ.

NEG.NPST-1SG видеть

‘Из-за сильного дождя я ничего на дороге не вижу’.

(45) *măn'-än măškâr-em catkâdâ čaj verc karšt-a.*

я-GEN живот-POSS.1SG крепкий чай за болеть-NPST.3SG

‘У меня болит живот от крепкого чая’.

Внутренняя причина послелогом *verc* обозначаться не может:

(46) *t'et'ä susu gišän / *verc targešt-äl-eš.*

ребенок радость о за прыгать-ITER-NPST.3SG

‘Ребенок прыгает от радости’.

Противопоставление прямой и не прямой причины для конструкций с послелогом *verc* нерелевантно. Так, в (47) дождь можно рассматривать как фактор, непосредственно влияющий на осуществление главного события, тогда как в (48) причинно-следственная связь может быть более сложной (включающей, например, заболевание собеседника или ссору говорящего с ним).

(47) *jur verc măn'ä škol-âškâ ke-tel-am.*

дождь за я школа-ILL идти-NEG.PRET-1SG

‘Из-за дождя я не пошел в школу’.

(48) *tän' verc-et măn'ä škol-âškâ ke-tel-am.*

ты за-POSS.2SG я школа-ILL идти-NEG.PRET-1SG

‘Из-за тебя я не пошел в школу’.

В [Гордеев 1983: 74] данный послелог трактуется как форма старого элатива от существительного *ver* ‘место’. Данная этимология несколько проблематична, поскольку в современном горномарийском языке значение ‘место’ выражается существительным *vär* [Саваткова 2008: 31], в котором представлена другая гласная фонема. В [Heine, Kuteva 2004: 239], вместе с тем, зафиксировано, что существительные со значением ‘место’ могут развивать значение причины, что объясняется метафорой из пространственного значения. Наряду с этим причинное значение может поддерживаться (если верна приведенная трактовка внутренней формы послелога *verc*) и элативным оформлением, которое подразумевает, что ситуация-причина служит отправной точкой для другой ситуации (в языках мира у показателей исходной точки нередко развивается причинное значение, см. [Ганенков 2002: 102–103]).

2.4. Послелог *gäc(än)*

Причинная семантика в горномарийском языке может выражаться элативным послелогом *gäc* (встречается также в полной форме *gäcän*; о других значениях данного послелога см. [Давидюк, Студеникина 2019]). Развитие причинного значения у показателей исходной точки распространено в языках мира, см. [Ганенков 2002; Luraghi 2003].

Главный семантический компонент в причинном значении послелога *gäc* — это наличие отрицательных последствий для участника:

(49) *xuda jur gäc peled-äš-vlä xuda-n kušk-ät.*
 плохой дождь EL цвести-НАСТ-PL плохой-ADV расти-NPST.3PL

‘От плохих дождей цветы плохо растут’.

(50) *kogo jur gišän / ??gäc pongâ-vlä jažo-n kušk-ät.*
 большой дождь о EL гриб-PL хороший-ADV
 расти-NPST.3PL

‘От обильных дождей грибы хорошо растут’.

Идея отрицательного последствия объясняет то, что данный послелог особенно употребителен при глаголе *kolaš* ‘умирать’ (51). В подобном контексте могут также употребляться послелого *gišān* и *dono* (см. аналогичный пример с *dono* (63)), однако в первой реакции при переводе данного предложения с русского носители горномарийского языка в подавляющем большинстве случаев используют именно послелог *gäc*. Противопоставление внешней и внутренней причины для конструкций с *gäc* нерелевантно, ср., например, (49) и (51).

- (51) *püergä rak gäc kol-en.*
 мужчина рак EL умирать-PRET
 ‘Мужчина умер от рака’.

Можно предположить, что развитие у элативного показателя семантического компонента, связанного с отрицательной оценкой, мотивируется значением нежелательного участника, который также маркируется элативом:

- (52) *män' šolâ gäc ölväl-nä šäl'-ø-äm.*
 я вор EL подпол-IN2 прятаться-AOR-1SG
 ‘Я спрятался от вора в подполе’.

Элативный послелог не может маркировать непрямую причину событий. Примеры (53) и (54) предполагают отрицательные для субъекта последствия, что типично для рассматриваемого послелого, однако различаются по параметру прямой / непрямой причины. Каузальная цепочка событий, приведшая к событию-следствию, длиннее в предложении (53) по сравнению с предложением (54). Кроме того, авария автобуса могла быть вызвана и некоторыми другими факторами (например, плохим самочувствием водителя), тогда как для поломки двигателя в ситуации из (53) сложно помыслить себе другие причины.

- (53) *motor xuda benz'in gäc pädârg-en.*
 мотор плохой бензин EL ломаться-PRET
 ‘Двигатель сломался из-за плохого бензина’.

- (54) *avtobus xuda kornâ gišän / *gäc pâdârg-en.*
 автобус плохой дорога о EL ломаться-PRET

‘Автобус сломался из-за плохой дороги’.

По-видимому, именно несовместимостью послелого *gäc* с контекстами не прямой причины обусловлено то, что он не сочетается в причинном значении с местоимениями 1 и 2 л. и одушевленными существительными:

- (55) *tädä män' gišän-em / *män'(-än) gäc-em kol-en.*
 он я о-POSS.1SG я-GEN EL-POSS.1SG умирать-PRET

‘Он умер из-за меня’.

- (56) *tädä pi gišän / *gäc kol-en.*
 он собака о EL умирать-PRET

‘Он умер из-за собаки’.

Послелог *gäc* в причинном значении невозможен при контролируемых предикатах: ср. его запрет в (57) и допустимость при неконтролируемом предикате в (58).

- (57) *vas'a šädä gišän / *gäc t'el'efon-äm pâdârt-en.*
 Вася гнев о EL телефон-ACC ломать-PRET

‘Вася от гнева разбил телефон’.

- (58) *vas'a šädä gäc jakšar-g-en ke-n.*
 Вася гнев EL красный-DETR-CVB идти-PRET

‘Вася покраснел от гнева’.

2.5. Послелог *don(o)*

Причинное значение в горномарийском языке может также выражаться комитативно-инструментальным послелогом *dono*⁴ (см. об этом послелого [Хомченкова 2018]). Пример его использования в инструментальной функции представлен в (59).

⁴ Данный послелог встречается также в варианте *don*.

- (59) *ät'ä-m pušängä-m tavar dono ro-a.*
 отец-POSS.1SG дерево-ACC топор с рубить-NPST.3SG
 ‘Мой отец рубит дерево топором’.

Данный послелог выражает внутреннюю причину при неконтролируемых предикатах, ср. (60)–(62). В (61), по сравнению с (60), представлена внешняя причина (холод в комнате), и послелог *dono* в таком случае не используется, а в примере (62), несмотря на то, что в нем представлена внутренняя причина, послелог *dono* также невозможен, т. к. предикат является контролируемым.

- (60) *män' susu dono mägär-em.*
 я радостный с плакать-NPST.1SG
 ‘Я плачу от радости’.

- (61) *t'et'ä komnatâ-štâ-š üštä gišan /*
 ребенок комната-IN-ATTR холод о
 **dono mägär-ä.*
 с плакать-NPST.3SG
 ‘Ребенок плачет от холода в комнате’.

- (62) *t'et'ä školâ-škâ lüd-mäš gišan /*
 ребенок школа-ILL бояться-NMLZ2 о
 **dono a-k ke.*
 с NEG.NPST-3 идти
 ‘Ребенок не идет в школу от страха’.

Кроме того, послелог *dono* маркирует прямую причину события (63), ср. с примером (64), предполагающим наличие более сложной каузальной цепочки (включающей, например, столбняк или другое опасное для жизни состояние, к которому могла привести рана).

- (63) *püergä rak dono kol-en.*
 мужчина рак с умирать-PRET
 ‘Мужчина умер от рака’.
- (64) *kid-äštâ-šä izi šušâr gišan /*
 рука-IN-ATTR маленький рана о

*dono *tädä* *kol-en* *ke-n.*
 с он умирать-CVВ идти-PRЕТ

‘Он умер от маленькой раны на руке’.

Послелог *dono* в причинном значении не сочетается с одушевленным зависимым. Во-первых, такое зависимое не может обозначать внутреннюю причину, которая, как показано выше, является одним из ключевых семантических факторов, способствующих употреблению послелoga *dono* в причинных контекстах. Во-вторых, обсуждаемый послелог является основным комитативно-инструментальным маркером в горномарийском языке, поэтому его сочетание с одушевленным участником получает комитативное, а не причинное прочтение:

(65) *män' tän' don-et mägär-en-äm.*
 я ты с-POSS.2SG плакать-PRЕТ-1SG

‘Я плакал с тобой / *из-за тебя’.

(66) *män' ädär dono mägär-em.*
 я девушка с плакать-NPST.1SG

‘Я плачу с девушкой / *из-за девушки’.

У послелoga *dono* существуют некоторые ограничения на сочетаемость с названиями эмоций. Так, данный послелог свободно сочетается в причинных конструкциях с лексемой *susu* ‘радость’ (60), но его сочетание с существительным *namätš* ‘стыд’ невозможно (67). Ограничения на сочетаемость послелoga *dono* с другими названиями эмоций требуют дальнейших исследований.

(67) *män' namätš gišän / *dono jakšar-g-en-äm.*
 я стыд о с красный-DETR-PRЕТ-1SG

‘Я покраснел от стыда’.

Развитие показателя причины из инструментального маркера достаточно распространено в языках мира. Как отмечается в типологическом исследовании [Narrog 2010: 241], семантическая эволюция направлена именно от инструментального значения к причинному, а не наоборот: так, развитие в эту сторону зафиксировано

в некоторых языках с длительной письменной традицией, например, в санскрите, а также в английском и испанском языках, тогда как развития в обратную сторону нигде не отмечается.

2.6. Латив *-eš*

В системе именных причинных показателей горномарийского языка стоит выделить также латив:

- (68) *ərlāxan-eš tädä-n licä-eš-äžžä lim läkt-än.*
 корь-LAT он-GEN лицо-LAT-POSS.3SG струп выходить-PRET
 ‘Из-за кори на его лице появились болячки’.

Причинные контексты с лативом следует разделять по типу зависимого. Латив в причинном значении может присоединяться к неодошевленным существительным и номинализациям на *-maš*: в первом случае ограничение на неконтролируемость предиката есть, а во втором — нет. В (69)–(70) конструкции с лативом возможны, т. к. в этих предложениях представлены неконтролируемые предикаты. Из этих же примеров, кроме того, видно, что формы латива могут указывать как на внешнюю, так и на внутреннюю причину.

- (69) *vas'a šäd-eš cätär-ä.*
 Вася гнев-LAT дрожать-NPST.3SG
 ‘Вася дрожит от гнева’.

- (70) *edem šokš-eš püžält-eš.*
 человек тепло-LAT потеть-NPST.3SG
 ‘Человек потеет от жары’.

В (71)–(72), напротив, латив при контролируемых предикатах невозможен с обычными существительными, но, как видно из (72), возможен с формой номинализации на *-maš*:

- (71) *män' päšä-škä kogo šokšä gišän / *šokš-eš*
 я работа-ILL большой тепло о тепло-LAT

ke-tel-am.

идти-NEG.PRET-1SG

‘Я не пошел на работу из-за сильной жары’.

- (72) *vas'a šädä gišün / šädeškä-mäš-eš / *šäd-eš*
 Вася гнев о сердиться-NMLZ2-LAT гнев-LAT

t'el'efon-äm pädârt-en.

телефон-ACC ломать-PRET

‘От гнева Вася разбил телефон’.

Примеры сочетания латива с формой номинализации на *-maš* при контролируемых предикатах представлены также в (73)–(74):

- (73) *kornâ-štâ kogo pi-m vâšli-mäš-eš amasa-m*
 дорога-IN большой собака-ACC встречать-NMLZ2-LAT дверь-ACC

čüč-än-äm.

закрывать-PRET-1SG

‘Из-за того, что по дороге я встретил большую собаку, я закрыл дверь’.

- (74) *vas'a kat'a mән'-äm kăčäl-mäš-eš šisk-a.*
 Вася Катя я-ACC искать-NMLZ2-LAT свистеть-NPST.3SG

‘Вася свистит, потому что Катя ищет меня’.

Пример (75) демонстрирует, что латив не может обозначать непосредственную причину. По-видимому, именно связь латива с прямой причиной способствует приемлемости в (72)–(74) конструкций с номинализациями на *-maš*, поскольку последние указывают на такую ситуацию, которая с большей вероятностью будет воспринята как прямая причина главной ситуации.

- (75) *lem gišün / *lem-eš mән' pojezd-âš vara-š*
 суп о суп-LAT я поезд-ILL потом-ATTR

kod-än-am. mән' šukâ tädä-m

оставаться-PRET-1SG я много он-ACC

äšt-en-äm.

делать-PRET-1SG

‘Из-за супа я опоздала на поезд. Я его долго готовила’.

Стоит сказать, что в горномарийском языке, помимо номинализации на *-maš*, имеется также номинализация на *-mā* (о свойствах и различиях данных номинализаций см. [Сиротина (в печати)]). Однако с последней латив в причинном значении не употребляется (76). Последовательность *-meš* интерпретируется в этом случае как вариант деепричастия *-meškä*. Для послелогов, рассмотренных выше, подобной «несочетаемости» с какой-либо из этих номинализаций нами обнаружено не было.

- (76) *maša pet'a ke-mäš-eš / #ke-m-eš mägär-ä.*
 Маша Петя идти-NMLZ2-LAT идти-NMLZ-LAT плакать-NPST.3SG
 ‘Маша плачет из-за того, что Петя уезжает / #пока Петя уезжает’.

Использование латива для маркирования причинных отношений заслуживает особого внимания. Дело в том, что по своему происхождению данный падеж является направительным [Галкин 1964: 51–52; Зорина 2002: 106–114; Ylikoski 2011: 261–265]. В работе [Ганенков 2002] объяснение наличия у директивного показателя дополнительного значения причины опирается на значение цели движения: значение причины развивается из значения цели, т. к. нередко в языках мира эти семантические роли получают одно и то же маркирование. Однако латив в горномарийском языке не маркирует цель движения (данное значение фиксируется у дательного падежа). Поэтому мы полагаем, что наличие у латива способности маркировать причину — это результат последовательной семантической эволюции, затрагивающей в том числе пространственные значения обсуждаемого падежа. Несмотря на то, что латив исходно имел направительное значение, при некоторых предикатах он может обозначать местоположение (77)–(78). Вероятно, данные примеры можно рассматривать как «лативный сдвиг» (термин предложен в [Маркус, Рожанский 2011]), характерный для многих финно-пермских языков (подробнее об этом явлении см. [Козлов 2017]).

- (77) *pušängä sadvič-eš kušk-eš.*
 дерево сад-LAT расти-NPST.3SG
 ‘Дерево растет в саду’.

- (78) *ädäräš d'ivan-eš amal-en ke-n.*
 девочка диван-LAT спать-CVB идти-PRET

‘Девочка заснула на диване’.

Мы полагаем, что причинное значение у горномарийского латива развилось не из его исходного направительного значения, а из значения местоположения (см. подробнее [Давидюк 2018]). Примечательно, что у иллатива в финском и эстонском языках также отмечается причинное значение, однако в довольно узком контексте — в значении причины смерти:

- финский
 (79) *paitsi jos haluatte kuolla denguekuumeeseen.*
 кроме если хотеть.PRS.2PL умереть.INF лихорадка_денге.ILL

‘Если только вы не хотите умереть от лихорадки денге’.
 [Glosbe]

- эстонский
 (80) *isa suri vähk-i.*
 отец умереть.PST.3SG рак-ILL

‘Отец умер от рака’. [EKI]

3. Заключение

Суммируем полученные нами данные в виде *Таблицы 1* (с. 60).

Непрямая причина в горномарийском может быть выражена послелогом *gišän* и *verc(än)*. Остальные исследуемые единицы — послелог *don(o)*, *gäc*, а также латив на *-eš* — маркируют прямую причину; для послелога *veldäk* контексты прямой причины предпочтительны. Элативный послелог *gäc* в причинных контекстах указывает на отрицательные последствия для участника, при этом сам послелог сочетается только с неконтролируемыми предикатами. Ограничение на неконтролируемость предиката действует и для послелога *don(o)*. Латив также обозначает прямую причину, однако

Таблица 1. Семантические признаки единиц, имеющих причинное значение в горномарийском языке

Table 1. Semantic features of causal markers in Hill Mari

показатель	прямая / непрямая причина	внешняя / внутренняя причина	контр. / неконтр. предиката	прочее
<i>gišān</i>	запреты в единичных примерах с прямой причиной	не влияет	не влияет	
<i>veldäk</i>	предпочт. прямая	не влияет	не влияет	
<i>verc(ān)</i>	не влияет	внешняя	не влияет	
<i>gäc(ān)</i>	прямая	не влияет	неконтр.	отрицат. последствия для участника
<i>don(o)</i>	прямая	внутренняя	неконтр.	есть ограничения на сочет. с именами эмоций
<i>-eš</i>	прямая	не влияет	неконтр. с неодуш. сущ.; не влияет с номинализ. на <i>-maš</i>	

способен сочетаться как с контролируемыми, так и с неконтролируемыми предикатами. В случае с контролируемыми предикатами латив в причинном значении возможен только с номинализацией на *-maš*.

Таким образом, система причинных показателей горномарийского языка обладает рядом особенностей (о причинных показателях в некоторых других финно-угорских языках см. [Давидюк 2019]). Во-первых, необычным выглядит наличие у основного причинного

последлога *gišän* значения темы. Во-вторых, для финно-угорских языков нехарактерно использование падежного показателя с направительным значением для обозначения причины, в то время как в горномарийском языке в этом качестве широко используется латив.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ADV — адвербиалис; AOR — аорист (1-е прошедшее время); APT — аттенуатив; ATR — атрибутивизатор; CVB — конверб; DETR — детранзитив; EL — элатив; FULL — полная форма; GEN — генитив; ILL — иллатив; IN — инессив; IN2 — «старый» инессив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; ITER — итератив; LAT — латив; NACT — имя действия; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; NMLZ2 — номинализация-2; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — possessивность; PRET — претерит (2-е прошедшее время); PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Апресян (ред.) 2004 — Ю. Д. Апресян (ред.). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Вершинин 2017 — В. И. Вершинин. Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь). В 2 тт. Т. 1. Йошкар-Ола: Стринг, 2017.
- Всеволодова, Яценко 1998 — М. В. Всеволодова, Т. А. Яценко. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М.: Русский язык, 1998.
- Галкин 1964 — И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка. Ч. 1: Морфология. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1964.
- Ганенков 2002 — Д. С. Ганенков. Модели полисемии пространственных показателей. Выпускная квалификационная работа. М.: МГУ, 2002.
- Гордеев 1983 — Ф. И. Гордеев. Этимологический словарь марийского языка. Т. 2. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1983.
- Давидюк 2018 — Т. И. Давидюк. Латив в горномарийском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2018. Т. XIV. Ч. 2. С. 195–215.
- Давидюк 2019 — Т. И. Давидюк. Маркеры причинного отношения в финно-угорских языках. Выпускная квалификационная работа. М.: МГУ, 2019.

- Давидюк, Студеникина 2019 — Т. И. Давидюк, Кс. А. Студеникина. Элативный показатель и значение точки приложения в горномарийском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2019. Т. XV. Ч. 2. С. 60–85. DOI: 10.30842/alp2306573715203.
- Закиев 1993 — М. З. Закиев. Татарская грамматика. В 3 тт. Т. 2: Морфология. Казань: Татарское книжное изд-во, 1993.
- Зорина 2002 — О. В. Зорина. История и современное состояние падежной системы горномарийского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2002.
- Иванова 2011 — И. Г. Иванова. Синтаксические синонимы в марийском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола: МарГУ, 2011.
- Иорданская, Мельчук 2007 — Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. Смысл и сочетаемость в словаре. (Studia philologica). М.: Языки славянских культур, 2007.
- Козлов 2017 — Л. С. Козлов. Особенности разграничения пространственных ролей в финно-пермских языках. Выпускная квалификационная работа. М.: МГУ, 2017.
- Майтинская 1982 — К. Е. Майтинская. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982.
- Маркус, Рожанский 2011 — Е. Б. Маркус, Ф. И. Рожанский. Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк. СПб.: Нестор-История, 2011.
- Саваткова 2008 — А. А. Саваткова. Словарь горномарийского языка. 2-е изд., перераб. и доп. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 2008.
- Сай (в печати) — С. С. Сай. Именные причинные конструкции: параметры типологической вариативности и исследовательская анкета // Н. М. Заика (ред.). Типология причинных конструкций. СПб. В печати.
- Сиротина (в печати) — А. Ю. Сиротина. Номинализация как способ оформления синтаксических актантов в горномарийском языке // Материалы III Студенческой конференции ИЛ РГГУ. М. В печати.
- СМЯ — Словарь марийского языка в 10 томах. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 2004.
- Татевосов и др. (ред.) 2017 — С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов (ред.). Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект. М.: Буки Веди, 2017.
- Хомченкова 2018 — И. А. Хомченкова. Способы выражения комитативных значений в горномарийском языке // М. К. Амелина, А. А. Ануфриев, В. В. Дьячков, Н. В. Макеева, О. В. Попова, О. В. Соколова (ред.). Проблемы языка. Сборник научных статей по материалам Шестой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (12–14 марта 2018 г.). М.: Институт языкознания РАН, 2018. С. 226–248.

- Arkhangelskiy, Usacheva 2015 — Т. Arkhangelskiy, М. Usacheva. Syntactic and Morphosyntactic Properties of postpositional phrases in Beserman Udmurt as part-of-speech criteria // *SKY Journal of Linguistics*. 2015. № 28. P. 103–137.
- Cristofaro 2013 — S. Cristofaro. Reason clauses // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013 (электронный ресурс). URL: <http://wals.info/chapter/127> (дата обращения 17.07.2020).
- Diessel, Hetterle 2011 — H. Diessel, K. Hetterle. Causal clauses: A cross-linguistic investigation of their structure, meaning, and use // P. Siemund (ed.). *Linguistic Universals and Language Variation*. (Trends in Linguistics: Studies and Monographs 231). Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2011. P. 23–54.
- Dirven 1993 — R. Dirven. Dividing up physical and mental space into conceptual categories by means of English prepositions // C. Zelinsky-Wibbelt (ed.). *The Semantics of Prepositions: From Mental Processing to Natural Language Processing*. (Natural Language Processing 3). Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. P. 73–98.
- Drdová 2013 — K. Drdová. Příslověčné určení příčiny vyjádřené v ruštině předložkovými vazbami a jeho české ekvivalenty. MA thesis. Brno: Masarykova univerzita, 2013.
- EKI — M. Ereht, T. Ereht, K. Ross. *Eesti keele käsiraamat*. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2007 (электронный ресурс). URL: <https://www.eki.ee/books/ekk09/> (дата обращения 17.07.2020).
- Heine, Kuteva 2004 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Reprint. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Luraghi 2003 — S. Luraghi. *On the Meaning of Prepositions and Cases: The Expression of Semantic Roles in Ancient Greek*. (Studies in Language Companion Series 67). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. DOI: 10.1075/slcs.67.
- Luraghi 2015 — S. Luraghi. Instrument and Cause in the Indo-European languages and in Proto-Indo-European // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2015. Т. XIX. С. 603–618.
- Martowicz 2011 — A. Martowicz. The origin and functioning of circumstantial clause linkers: A cross-linguistic study. PhD thesis. Edinburgh: University of Edinburgh, 2011.
- Narrog 2010 — H. Narrog. A diachronic dimension in maps of case functions // *Linguistic Discovery*. 2010. Vol. 8. Iss. 1. P. 233–254. DOI: 10.1349/PS1.1537-0852.A.352.
- Traugott, König 1991 — E. C. Traugott, E. König. The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited // E. C. Traugott, B. Heine (eds.). *Approaches to Grammaticalization*. Vol. 1: Theoretical and Methodological Issues. (Typological

Studies in Language 19). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1991. P. 189–218. DOI: 10.1075/tsl.19.1.

Ylikoski 2011 — J. Ylikoski. A survey of the origins of directional case suffixes in European Uralic // S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). Case, Animacy and Semantic Roles. (Typological Studies in Language 99). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 235–280. DOI: 10.1075/tsl.99.09yli.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (электронный ресурс). URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения 17.07.2020).

Glosbe — Многоязычный словарь Glosbe (электронный ресурс). URL: <https://ru.glosbe.com> (дата обращения 17.07.2020).

References

- Apresyan (ed.) 2004 — Yu. D. Apresyan (ed.). *Novyy obyasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 2004.
- Arkhangelskiy, Usacheva 2015 — T. Arkhangelskiy, M. Usacheva. Syntactic and morphosyntactic properties of postpositional phrases in Beserman Udmurt as part-of-speech criteria. *SKY Journal of Linguistics*. 2015. No. 28. P. 103–137.
- Cristofaro 2013 — S. Cristofaro. Reason clauses. M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info/chapter/127> (accessed on 17.07.2020).
- Davidyuk 2018 — T. I. Davidyuk. Lativ v gornomariyskom yazyke [Lative in the Hill Mari language]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovaniy*. 2018. Vol. XIV. Pt. 2. P. 195–215.
- Davidyuk 2019 — T. I. Davidyuk. *Markery prichinnogo otnosheniya v finno-ugorskikh yazykakh* [Causal markers in the Finno-Ugric languages]. Graduation paper. Moscow: Moscow State University, 2019.
- Davidyuk, Studenikina 2019 — T. I. Davidyuk, Ks. A. Studenikina. Elativnyy pokazatel i znachenije TOCHKI PRILOZHENIYA v gornomariyskom yazyke [Elativ marker and the Contact point meaning in Hill Mari]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovaniy*. 2019. Vol. XV. Pt. 2. P. 60–85. DOI: 10.30842/alp2306573715203.

- Diessel, Hetterle 2011 — H. Diessel, K. Hetterle. Causal clauses: A cross-linguistic investigation of their structure, meaning, and use. P. Siemund (ed.). *Linguistic Universals and Language Variation*. (Trends in Linguistics: Studies and Monographs 231). Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2011. P. 23–54.
- Dirven 1993 — R. Dirven. Dividing up physical and mental space into conceptual categories by means of English prepositions. C. Zelinsky-Wibbelt (ed.). *The Semantics of Prepositions: From Mental Processing to Natural Language Processing*. (Natural Language Processing 3). Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. P. 73–98.
- Drdová 2013 — K. Drdová. *Příslovečné určení příčiny vyjádřené v ruštině předložkovými vazbami a jeho české ekvivalenty*. MA thesis. Brno: Masarykova univerzita, 2013.
- EKI — M. Ereht, T. Ereht, K. Ross. *Eesti keele käsiraamat*. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2007. Available at: <https://www.eki.ee/books/ekk09/> (accessed on 17.07.2020).
- Galkin 1964 — I. S. Galkin. *Istoricheskaya grammatika mariyskogo yazyka* [Historical Grammar of the Mari Language]. Pt. 1: *Morfologiya* [Morphology]. Yoshkar-Ola: Marknigoizdat, 1964.
- Ganenkov 2002 — D. S. Ganenkov. *Modeli polisemii prostranstvennykh pokazateley* [Polysemy models of spatial cases]. Graduation paper. Moscow: Moscow State University, 2002.
- Gordeyev 1983 — F. I. Gordeyev. *Etimologicheskiy slovar mariyskogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Mari Language]. Vol. 2. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatelstvo, 1983.
- Heine, Kuteva 2004 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Reprint. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Iordanskaya, Melchuk 2007 — L. N. Iordanskaya, I. A. Melchuk. *Smysl i sochetayemost v slovare* [Meaning and Compatibility in the Dictionary]. (Studia philologica). Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2007.
- Ivanova 2011 — I. G. Ivanova. *Sintaksicheskiye sinonimy v mariyskom yazyke* [Syntactic Synonyms in the Mari Language]. PhD thesis. Yoshkar-Ola: Mari State University, 2011.
- Khomchenkova 2018 — I. A. Khomchenkova. Sposoby vyrazheniya komitativnykh znacheniy v gornomariyskom yazyke [Comitative and ways of expressing it in Hill Mari]. M. K. Amelina, A. A. Anufriyev, V. V. Dyachkov, N. V. Makeyeva, O. V. Popova, O. V. Sokolova (eds.). *Problemy yazyka. Sbornik nauchnykh statey po materialam Shestoy konferentsii-shkoly “Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh” (12–14 marta 2018 g.)* [Language Issues: Collection of articles based on the 6th Conference “Language Issues: A Young Scholars’ View” (March 12–14, 2018)]. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2018. P. 226–248.

- Kozlov 2017 — L. S. Kozlov. *Osobennosti razgranicheniya prostranstvennykh roley v finno-permskikh yazykakh* [Features of spatial roles in the Finno-Perm languages]. Graduation paper. Moscow: Moscow State University, 2017.
- Luraghi 2003 — S. Luraghi. *On the Meaning of Prepositions and Cases: The Expression of Semantic Roles in Ancient Greek*. (Studies in Language Companion Series 67). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. DOI: 10.1075/slcs.67.
- Luraghi 2015 — S. Luraghi. Instrument and Cause in the Indo-European languages and in Proto-Indo-European. *Indoyevropeyskoye yazykoznaniye i klassicheskaya filologiya*. 2015. Vol. XIX. P. 603–618.
- Markus, Rozhanskiy 2011 — E. B. Markus, F. I. Rozhanskiy. *Sovremennyy vodskiy yazyk: Teksty i grammaticheskiy ocherk* [Modern Votic Language: Texts and Grammar Sketch]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011.
- Martowicz 2011 — A. Martowicz. *The Origin and Functioning of Circumstantial Clause Linkers: A Cross-Linguistic Study*. PhD thesis. Edinburgh: University of Edinburgh, 2011.
- Maytinskaya 1982 — K. E. Maytinskaya. *Sluzhebnyye slova v finno-ugorskikh yazykakh* [Function Words in the Finno-Ugric Languages]. Moscow: Nauka, 1982.
- Narrog 2010 — H. Narrog. A diachronic dimension in maps of case functions. *Linguistic Discovery*. 2010. Vol. 8. Iss. 1. P. 233–254. DOI: 10.1349/PS1.1537-0852.A.352.
- Savatkova 2008 — A. A. Savatkova. *Slovar gornomariyskogo yazyka* [Hill Mari Dictionary]. 2nd ed., rev. and enl. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatelstvo, 2008.
- Say (to appear) — S. S. Say. Imennyye prichinnyye konstruktzii: parametry tipologicheskoy variativnosti i issledovatel'skaya anketa [Nominal causal constructions: Parameters of typological variability and research questionnaire]. N. M. Zaika (ed.). *Tipologiya prichinnykh konstruktсий* [Typology of Causal Constructions]. St. Petersburg. To appear.
- Sirotnina (to appear) — A. Yu. Sirotnina. Nominalizatsiya kak sposob oformleniya sententsialnykh aktantov v gornomariyskom yazyke [Nomanizations as sentential arguments in Hill Mari]. *Materialy III Studencheskoy konferentsii IL RGGU* [Proceedings of the 3rd Student Conference of Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities]. Moscow. To appear.
- SMYa — *Slovar mariyskogo yazyka v 10-ti tomakh* [Mari Dictionary in 10 Volumes]. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Institute of Language, Literature and History, 2004.
- Tatevosov et al. (eds.) 2017 — S. G. Tatevosov, A. G. Pazelskaya, D. Sh. Suleymanov (eds.). *Elementy tatarskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*. Misharskiy

- dialekt* [The Tatar Language in a Typological Perspective. Mishar Dialect]. Moscow: Buki Vedi, 2017.
- Traugott, König 1991 — E. C. Traugott, E. König. The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited. E. C. Traugott, B. Heine (eds.). *Approaches to Grammaticalization*. Vol. 1: *Theoretical and Methodological Issues*. (Typological Studies in Language 19). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1991. P. 189–218. DOI: 10.1075/tsl.19.1.
- Vershinin 2017 — V. I. Vershinin. *Proiskhozhdeniye slov mariyskogo yazyka (etimologicheskii slovar)* [Origin of Words in the Mari Language]. In 2 vols. Vol. 1. Yoshkar-Ola: String, 2017.
- Vsevolodova, Yashchenko 1998 — M. V. Vsevolodova, T. A. Yashchenko. *Prichino-sledstvennyye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke* [Causal Relationships in Modern Russian]. Moscow: Russkiy yazyk, 1998.
- Ylikoski 2011 — J. Ylikoski. A survey of the origins of directional case suffixes in European Uralic. S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). *Case, Animacy and Semantic Roles*. (Typological Studies in Language 99). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 235-280. DOI: 10.1075/tsl.99.09yli.
- Zakiyev 1993 — M. Z. Zakiyev. *Tatarskaya grammatika* [Tatar Grammar]. In 3 vols. Vol. 2: *Morfologiya* [Morphology]. Kazan: Tatarskoye knizhnoye izdatelstvo, 1993.
- Zorina 2002 — O. V. Zorina. *Istoriya i sovremennoye sostoyaniye padezhnoy sistemy gornomariyskogo yazyka* [History and current state of the case system of the Hill Mari language]. PhD thesis. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2002.